

Отзыв на диссертацию Д.А. Калиничева
«Кипрские вазы с пластическим декором Марионского типа
(VI–IV вв. до н.э.): генезис, форма, семантика»,

представленную на соискание ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.04 – изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

Исследование Д.А. Калиничева посвящено изобразительному искусству Древнего Кипра, которому явно не везло ни в искусствоведческой историографии (о чем в диссертации сказано), ни в экспонировании: находясь на пересечении культурных влияний, Кипр традиционно рассматривается как периферия «больших» цивилизаций (достаточно указать, что, например, в экспозиции богатейшего собрания стамбульского Археологического музея памятники Кипра выставлены на 4 этаже, до которого доходят не все посетители, в залах «соседних [по отношению к Малой Азии] цивилизаций»), ни в учебных курсах, поскольку на столь «провинциальные» культурные регионы на фоне других культур античного Средиземноморья времени обычно не хватает. Между тем объектом диссертационного исследования Д.А. Калиничева оказывается группа Марионской керамики, насчитывающая несколько сотен памятников, и уже одно это заставляет внимательно относиться и к такой репрезентативной выборке, и к самому исследованию.

Основными аргументами работы явились сосуды из коллекции ГМИИ, включенные в широкий контекст привлеченных аналогов их других собраний. Для достижения поставленной цели – заявленного комплексного анализа сосудов Марионского типа – автору пришлось решать целый ряд важных в методическом плане задач: определить место культуры Кипра в ряду средиземноморских цивилизаций, систематизировать материал, реконструировать процесс ритуала возлияния как контекст бытования предметов и поставить вопросы, связанные с иконографией использованных для декорации сосудов образов.

Выделенные аспекты обусловили актуальность диссертационного исследования, его научную новизну и теоретическую значимость, а также выбор предложенных методов (с. 9), которые в свете заявленных задач представляются действительно необходимыми. Данная во Вводной части общая характеристика работы выглядит корректной, достаточной и исчерпывающей.

В Главе I дана необходимая история изучения вопроса; при этом текст является не просто историографией – автор предлагает периодизацию изучения культуры Кипра и развития представлений о месте кипрской цивилизации и ее связях с соседними культурами, что далее позволяет автору широко использовать аналогии и трактовки, сделанные применительно к географически отдаленному, но стаднально близкому материалу. Автор приходит к выводу, что «эволюционная и содержательная линии

историографии пока мало связаны между собой», тем самым позволяя определять место собственного исследования в ряду трудов предшественников.

II Глава посвящена определению места культуры Кипра в ряду средиземноморских цивилизаций, характеристике перекрестных влияний начиная с IV тыс. до н.э. Возможно, применительно к объекту исследования – Марионским сосудам – такая «прелюдия» выглядит затянутой, однако она дает автору возможность продемонстрировать историческую общность мифологических представлений и ритуальных практик в Восточном Средиземноморье и тем самым аргументировать правомерность привлечения аналогов. Акцент при этом делается на керамическом производстве, что обусловлено самим объектом и проблематикой исследования. Автор показывает, что именно керамика создает «прочный, созданный на века фундамент искусства» Кипра (с. 32–33), а также отмечает раннее формирование «регионализма» в сложении мастерских, дополнительно аргументируя обращение к Мариону как одному из центров производства сосудов. Привлечение широких анахроничных параллелей направлено на демонстрацию стадиального единства развития керамики Средиземноморья и Ближнего Востока; при этом автор описывает внешние влияния («импульсы»), ставящие рассматриваемый материал в контекст историографии и периодизации более изученных «соседних цивилизаций». К сожалению, при беглом обращении к этим аналогам автор предпочитает пользоваться готовыми «наработками» специалистов-антиковедов, в т.ч. ученых, занимавшихся археологией Кипра, тогда как непосредственное использование работ «древневосточников» (египтологов, ассириологов, исследователей Финикии и т.д.) могло бы дать дополнительные аргументы «из первых рук» и, возможно, продемонстрировать неожиданные параллели.

В III Главе автор рассматривает происхождение и развитие кипрских сосудов с пластическим декором. «Вступление» хронологически кажется затянутым по отношению к собственно объекту исследования и вынесенным в заглавие диссертации датировкам, однако «протуберанцы», забрасываемые в Раннебронзовый век, позволяют автору подчеркнуть автохтонность рассматриваемого материала, ввести классификацию, выявить системность орнаментики сосудов. Здесь необходимо заметить, что в ряде случаев автор, оговаривая «домысливание» декорации и дискуссионность мифологического и/или ритуального содержания композиций (с. 60), излишне смело интерпретирует «образность» декора сосудов, предлагая лишь одно из возможных прочтений, «работающих» на предлагаемую концепцию, и игнорируя другие возможности (здесь уместно было бы обратиться к доступным работам как этнологов, так и археологов и историков, занимавшихся керамикой других регионов, – например, М. Гимбутас, В.М. Массона, Е.В. Антоновой, П.М. Кожина, В.И. Балабиной, И.В. Палагуть). Это характерно не только для материала III Главы, но и для последующих разделов текста (например, при разговоре о египетском пантеоне в IV Главе автор опирается на работы прекрасного религиоведа Х. Бониз, не потерявшие актуальности с 1950-х гг., но по ряду вопросов допускающие уточнения). Тем не менее субъективность интерпретации не противоречит необходимой посылке – признанию отраженного в декоре сосудов ритуального контекста (с. 62), что позволяет активно обращаться к методическим наработкам мифоритуального подхода. Особую важность приобретает вывод о взаимовлияниях кипрского и микенского искусства и о сосредоточении лепного декора на сосудах ритуального назначения. Автор

последовательно подводит читателя к разговору о вазах Марионского типа и подготавливает почву для детального анализа объекта своего исследования. В качестве особого достоинства работы следует отметить внимание к технологическим процессам как изготовления сосудов, так и декорации керамики, которые часто игнорируются искусствоведами.

К собственно объекту своего исследования – сосудам Марионского типа – автор обращается только в IV Главе, в первом абзаце которой четко ставятся вопросы, определяющие и структуру текста, и алгоритм исследования материала. Говоря о начале Архаического периода, диссертант при рассмотрении материала вынужден постоянно аргументировать самостоятельность решений кипрских керамистов, находившихся под перекрестным влиянием античной (греческой) и ближневосточной (египетской) традиций, что не мешает ему демонстрировать преимущество художественных решений, найденных местными мастерами ранее. Переходя к рассмотрению Марионских сосудов, автор сразу же концентрирует внимание на памятниках из коллекции ГМИИ, которые и становятся главными аргументами исследования, и т.о. избирает логическую индукцию, выглядящую в данном случае особо привлекательной из-за предполагаемой возможности личного знакомства читателя с опорными памятниками.

Особо интересными выглядят наблюдения о реализации образов, связанных с «водной тематикой», на различных группах сосудов – автор отмечает, что сосуды с протомами быков украшены изображениями нераспустившихся всходов, а фризы ваз с хозэфорами – распустившихся растений, из чего делается вывод о воплощении идей «оплодотворения» и «плодовитости» (с. 133–134). Необходимо особенно отметить, что, сформулировав это наблюдение, автор не увлекается его вольной интерпретацией как передачей «темпоральности», фазовости процесса, но остается исключительно в рамках проверяемости выводов, следующих из описания материала.

Позже (с. 154–155), говоря об образном репертуаре персонажей, автор совершенно справедливо оговаривает невозможность их идентификации, и описание основных фигур как Астарты и бога-быка снабжается необходимым указанием на гипотетичность подобного толкования (в частности, с. 165). Степень убежденности в справедливости подобной идентификации и ее аргументации могут подвергаться сомнению и корректировке, но в любом случае не выходят за пределы авторской гипотезы, правомерной в диссертационном исследовании.

Несомненным достоинством работы является отказ от термина «стиль» при рассмотрении изображений на выделяемых группах изделий, сопровождаемый критической оценкой опыта предшественников (Ф. Ванденабеле) именно с позиций искусствоведа (с. 135–136), что свидетельствует о внимании автора к научной терминологии и четком понимании особенностей ее использования в различных дисциплинах и применительно к различным задачам исследования. Об этом же говорят и сравнительный анализ изображений на кипрских «преодоаттических» сосудах с греческими и южноиталийскими аналогами, и довольно подробный иконографический анализ образов, выделяемых автором.

Неудобство вызывает активное использование в тексте (начиная с Оглавления) слова «хозэфора», знание которого является все-таки прерогативой антиковедов; перевод и

значение этого слова в работе не приводятся, хотя должны быть указаны при первом же употреблении этого слова в тексте.

Глава V посвящена реконструкции семантики Марионских сосудов в контексте ритуала возлиания, о важности которого ранее в работе неоднократно говорилось, и именно этот раздел является наиболее важным и оригинальным в диссертационном исследовании. Необходимо отметить, что у «мифоритуального подхода», обращение к которому оговорено во Введении, есть как адепты, так и критики, но Д.А.Калиничев не отвлекается от избранной темы и грамотно использует возможности этого подхода для привлечения необходимых аналогий и реконструкции ритуального контекста использования памятников. Автор рассматривает по отдельности женский (хоэфора) и мужской (бык) образы, а также связанных с ними персонажей в исторической перспективе и в тесной связи с конструкцией сосудов и организацией композиций, реконструируя космогонические представления. Безусловно, авторские интерпретации являются не единственными возможными, но свою точку зрения автор достаточно аргументирует и заставляет относиться к ней как к вполне правомерной и серьезной гипотезе. Приходится заметить, что среди аргументов мог оказаться не только египетский, но и более широко используемый месопотамский материал (применительно к «змеиной символике» можно было бы дополнительно адресовать автора к работам Э. Порады, Е.В. Антоновой и В.К. Афанасьевой), однако задача помещения рассматриваемых образов в широкий контекст искусства «соседних цивилизаций» автором решена. То же можно сказать и о реконструкции важности ритуала возлиания, рассмотренной сразу в нескольких аспектах; возможно, эту важность и не нужно было доказывать столько подробно, как это предпринято автором, хотя этот фон позволяет продемонстрировать специфику кипрской ритуальной практики.

Принципиально важным в этой связи является п. 5, где автор должен был бы рассмотреть роль Марионских сосудов в погребальном ритуале; однако, к сожалению, убедительной реконструкции места и роли сосудов в погребальном обряде Кипра в целом и Мариона в частности не предложено, разговор ограничивается лишь фиксацией местоположения сосудов в гробницах. Т.о., широкий контекст ритуальной практики, ранее обрисованный автором, отрывается от археологических данных. Выводы из V Главы лишь намекают на задействованность ранее выявленной образной связи изображавшихся персонажей с погребальным ритуалом, однако автор попросту уходит от разговора об аргументации данного положения. Необходимо сказать, что задача реконструкции собственно ритуала и участия в нем марионских сосудов изначально и не была в работе поставлена, а вынесенная в название диссертации «семантика» (во всяком случае, та интерпретация, которую предлагает автор) вполне убедительно раскрывается в работе и вне контекста погребального ритуала.

В Заключении текста диссертации автор отказывается от банального повторения выводов глав – он суммирует эти выводы, распределяя их по пунктам в соответствии с ранее сформулированными задачами и обозначенными в Автореферате выносимыми на защиту положениями – «Генезис», «Эволюция», «Семантика». Такая группировка выводов позволяет заключить, что цель исследования автором достигнута, поставленные задачи выполнены, обозначенные положения получили необходимую аргументацию.

Текст диссертации снабжен достаточным количеством ссылок, что делает исследование проверяемым и воспроизводимым. Отмечу, что автор выбирает не самую удобную для читателя систему оформления ссылок (фамилия, год), вынуждая постоянно обращаться к Библиографии, однако нарушением стандарта оформления это не является. Более серьезное замечание должно быть высказано по поводу отсутствия иллюстративного приложения – текст изобилует указаниями на многочисленные Таблицы иллюстраций, но в Оглавлении наличие какого-либо иллюстративного приложения не оговорено (что является нарушением пп. 5.3.9–10 ГОСТ Р 7.0.11–2011).

Работа грамотно структурирована, материал излагается последовательно, читателю легко следить за развитием авторской мысли. Обращаясь к аналогам, автор не забывает ни об объекте, ни о целях исследования, четко указывая – зачем ему требуется то или иное отступление от темы. Детальное описание в тексте работы изображений на сосудах, анализ этих изображений в соответствии с предлагаемой хронологией и выделение ряда «мелких» переходных этапов могут быть использованы как инструмент для уточнения датировки и атрибуции памятников (собственно, этот пункт автор справедливо оговаривает на с. 10 в качестве возможности практического применения результатов своего исследования).

Необходимо отметить, что текст диссертации написан правильным языком, лишен громоздкой терминологии, легко воспринимается читателем. Работа хорошо отредактирована и легко может быть преобразована в научную монографию.

Представленная диссертация Д.А. Калиничева «Кипрские вазы с пластическим декором Марионского типа (VI–IV вв. до н.э.): генезис, форма, семантика» является самостоятельным оригинальным научно-квалификационным исследованием, убедительно демонстрирующим зрелость исследователя, владение им исследуемым материалом и методами работы с ним, знание базы источников и научной литературы.

Диссертация соответствует предъявляемым требованиям, а соискатель Д.А.Калиничев заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата искусствоведения по специальности 17.00.04 – Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура.

Зав. Сектором искусства стран Азии и Африки
Государственного института искусствознания
Кандидат искусствоведения

Е.И. КОНОНЕНКО

03.12.2019

Подпись _____
Удостоверительная печать _____

